

Обвешанный оружием, он расхаживал по хутору, но никаких действий не предпринимал и ни с кем разговоров не заводил. Главным пока в хуторе оставался комендант боевого участка, и от него исходили все указания.

Усадьба семьи богатых торговых казаков Карапышей как крепость посреди хутора. Каменные изгороди с четырёх сторон по три аршина, больше чем в рост человека. Ни за что не углядеть, что внутри усадьбы делается. Такое нужно было и разместившемуся в доме Совету, и продовольственному отряду, въехавшему в карапышовские амбары. Над усадьбой взвился красный флаг, а на фронте здания бывшей хлебной ссыпки появился лозунг, написанный белилами на кумаче: «Да здравствует советская власть!».

Швечиковцы особого здравствования ей не желали, но и вредить побаивались. Старались без особой надобности по улицам не ходить и никому на глаза не попадаться.

Хуторская торговая лавка была вчистую разграблена. Всё, что не успел забрать с собой хозяин Яков Карапыш, прибрали к рукам проходившие красноармейские части, а напоследок уж заселивший богатое подворье продовольственный отряд. Председатель совета Николай Закутнов даже обрадовался такому соседству. Всё ж под надёжной охраной будет — и он, и ещё несколько человек, назначенных поддерживать советскую власть до предстоящих выборов. А когда они будут, никто и не решался спрашивать.

Почти сразу после занятия хутора красными войсками начались обход домов и составление списков оставшихся граждан.

Комендант боевого участка пожилой шахтёр Иван Фёдорович Крутько сильно удивился, что в одном из куреней насчитали девять детей и при этом ни одного совершеннолетнего.

Мозглявый казакишко Аникей Кмокин, изначально негодный к военной службе, а хуторской атаман добавлял от себя, что и к нормальному труду и жизни, всё заискивал перед комендантом и приставленным к нему писарем. Потом осмелел и обратился с робким вопросом:

— Слышали мы от людей, что вы особенно бедным помогаете, если они в чём нуждаются.

Комендант посмотрел на убогую обстановку бедного казачьего куреня и на изрядно отощавших его обитателей и сразу понял, в какой помощи они нуждаются. Не медля, ответил:

— Это точно, помогаем. С тебя и начнём.

Время было обеденное, и он тут же дал команду, чтобы с полевой кухни принесли большой чугунок с наваристыми щами с бараниной и водрузили его на обеденный стол. Две хлебницы дополнили это пиршество, и комендант с писарем, проявив деликатность, тоже не отказались присесть к столу и пообедать.

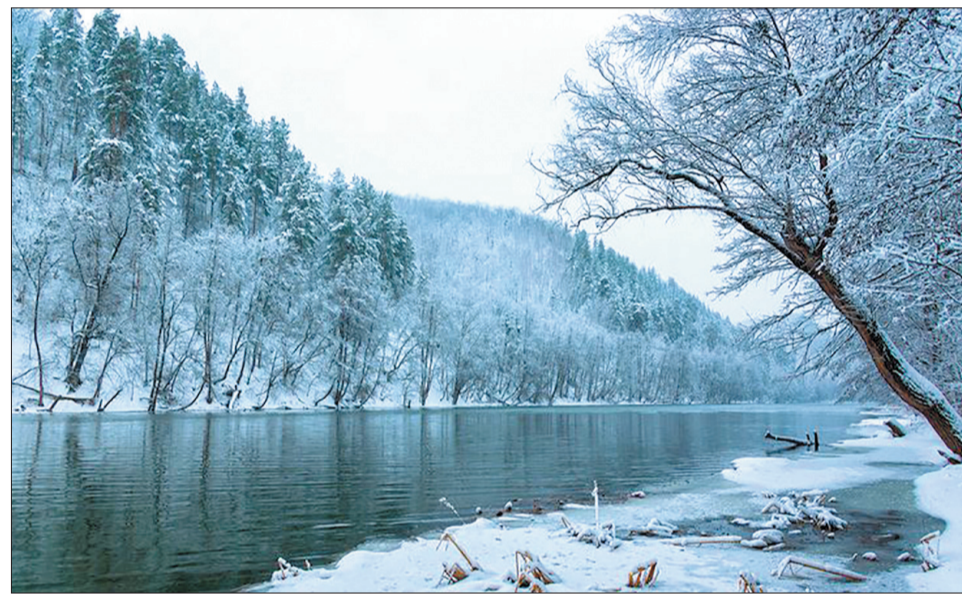
После удивительно сытного обеда счастливый Аникей покорно ждал, что его попросят о какой-либо помощи. Так оно и получилось, и он пошёл с группой красноармейцев помогать им обустроиваться на новом месте.

Этот же казак на следующий день за другое доброе дело в виде горшка

каши отправился разносить по домам листовки с отпечатанным воззванием. В нём говорилось:

«Граждане! Ваш населённый пункт занят доблестными войсками Красной армии. Враги советской власти изгнаны из вашего края и никогда уже сюда не вернуться. Власть трудящихся с вашей помощью будет только укрепляться. Поддержите её! Давайте отпор клеветникам и распространителям ложных слухов о боях Красной армии.»

Никто не собирается мстить местному населению за восстания в тылу советских войск. К ответственности будут привлечены только истинные враги советской власти и поэтому не поддавайтесь на их провокации! Сдавайте всё оружие, которое имеется у вас на руках! Окажите посильную продовольственную помощь Красной армии! Дело освобождения трудящихся от власти помещиков и капиталистов будет продолжено. Дон будет советским!».

Северский Донец зимой.

Подписано это обращение было членом реввоенсовета 8-й армии красных войск Григорием Сокольниковым.

Аникей Кмокин отдал Просцову листовку, тот, видно, уже прочитал её в другом месте и решил осадить старание новоявленного помощника:

— Больно стараешься ты. Резво, как будто всю жизнь свою при ихнем штабе отирался. Как бы не пришлось перед хуторским сбором отвечать.

— Придётся, не придётся — мне всё одно. Меня вот обещали на паёк красноармейский зачислить, тогда и семью смогу прокормить. Да я ничего серьёзного и не делаю. Подумаешь, бумажки раздаю.

— Это по первой так. А потом и другое потребуют. Пайки даром не раздают. Гляди, как бы наши не вернулись.

Аникей, ни словом не ответив, пошёл по хутору дальше выкликать хозяев казачьих куреней и раздавать им листовки.

В то, что казачья власть снова вернётся, не все хуторяне верили. Особенно когда увидели, как через хутор шли в отступ жители верхнедонских округов. А их проследовали немалые тысячи за несколько недель ноября-декабря 1919 года.

донских шубах и ковровых платках, закутанные по самые глаза. Гимназисты средних и младших классов в своих шинелишках и видные из себя священники в зимних длиннополых пальто и тёплых скуфейках. Станционные атаманы и чиновники со своими семьями и офицеры с солдатами со свежеперебинтованными, будто на показ, головами и руками.

Разноцветная лента вилась вдоль Северского Донца, потом дошла почти до станицы Каменской и резко повернулась в своём движении в сторону зимнего солнца, строго на юг, который всем ехавшим в этих беженских обозах казался спасительным. Но это было не так. И почти все это понимали.

В степи особо остановиться было негде. Беженцы плотно забили хутора станицы Гундоровской, расположенные на юге станичного юрта: Аникин, Ковалёв и Плешаков. Размещались даже на рудничных дворах, спасаясь на них от степных буранов. В тот год они бушевали как никогда.

эта стовёрстная полоса оставалась в распоряжении некогда могучей белой армии, дошедшей незадолго до этого почти до Москвы.

Её командование, оставив Новочеркасск, решило дать генеральное сражение на левом берегу Дона в районе станиц Ольгинской, Манычской и станицы Батайск.

Рождественские морозы и выпавший снег превратили это заболоченное пространство в заснеженную равнину. Но после Рождества, по новому, не признаваемому в донских селениях стилю разразилась небывалая оттепель, и напивавшие красные войска 1-й конной армии под командованием Семёна Михайловича Будённого оказались в западне. Ледовое крошево, смешанное с болотной грязью, стало непреодолимым препятствием для красной кавалерии и её пулемётных тачанок, тем более для пехоты. Сданный белыми войсками почти без боя Ростов виднелся на высоком правом берегу Дона. Среди гундоровцев было немало тех, кто за полтора года до этого, в июне 1918-го, воевал в этих же местах. Только тогда было начало жаркого лета, а не середина зимы. Ростов снова манил к себе, но уже никто не порывался попасть в него, понимая, что таким большим городом можно овладеть только с большими жертвами, а их принести никому не хотелось...

Нашлись стратеги в казачьих штабах, которые изрекли, что Батайск должен стать по примеру известной французской крепости донским Верденом и надолго остановить красные войска. Одного не учитывали эти говоруны, что никакой крепости в окрестностях Батайска и близко не было и что весна должна была прийти неизбежно, а вместе с ней — открытие путей для наступления красных войск, которые на всех участках фронта уже превышали по своей численности полки донской армии в три, а то и в пять раз.

Во время суматошного отступления незаметно пересекли границу Области войска Донского. Начались такие же, как и донские, бескрайние кубанские степи. Вся и разнища лишь в том, что холмов поменьше и преодолеваемые реки своё течение несут с востока на запад. С каждой верстой всё больше колонны Донского Гундоровского георгиевского полка отдалялись от родной станицы и её хуторов. Хорошо, что хоть почётное наименование полка напоминало о родных местах.

Впереди была неизвестность, и песен уже никто не пел. И о казаке на чужбине тоже. Не до песен было. Не до них.

Сергей Сполох,
член Союза писателей России
Примечание: Все иллюстрации,
использованные в настоящей
статье, взяты из архива автора
и общедоступных источников.

